

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: СЕЛЬСКИЕ ХРАМЫ И КЛАДБИЩА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Предлагаемая статья продолжает исследования почитаемых объектов, функционировавших на протяжении XX в. в коми селах. Автор обращается к элементам культурного ландшафта, которые традиционно рассматриваются как значимые символы православной традиции (храмы, часовни, кладбища). На отдельных примерах рассматривается реализация различных сценариев развития событий, связанных с закрытием сельских храмов, а также с формированием «новой» советской обрядности.

Ключевые слова: почитаемые места; храм; приходское кладбище; советские памятники; обрядность.

Словосочетание «культурный ландшафт» вошло в систему терминов российской гуманитарной и культурной географии [1. С. 114], а также этнологии, истории, фольклористики и культурологии [2–4]. В то же время исследователи отмечают существенные различия в трактовке данного термина представителями разных дисциплин, в частности в определении предмета исследования [1. С. 121]. В данной статье культурный ландшафт понимается как природно-культурный комплекс, созданный и освоенный сообществом людей, организующий и структурирующий пространство обитания. Его основными компонентами являются: природный ландшафт; сообщество людей; хозяйственная деятельность; селения как способ пространственной организации сообщества в природном ландшафте; языковая система и духовная культура [2. С. 11; 3. С. 53–55].

С середины 1990-х гг. в российской гуманитарной науке появилось значительное количество публикаций, посвященных изучению сельских святынь, которые рассматриваются как неотъемлемые элементы культурного ландшафта российского села, играющие значительную роль в формировании локальной и этноконфессиональной идентичности [6–8]. В публикациях этнографов и фольклористов, посвященных исследованию традиции коми-зырян, связанной с почитанием сельских святынь, рассматриваются следующие вопросы: типология местнотимых святынь и «иерархия» почитаемых мест [9–12]; праздничная традиция, связанная с почитаемыми объектами [13–21]; проведение внехрамовых служб без участия священнослужителей [15, 16, 20]. Следует отметить, что речь идет не только о природных объектах сакральной топографии (источниках, камнях-следовиках) и различных типах обетных крестов, но и почитаемых местных иконах и часовнях, о православных сельских храмах, которые по разным причинам находились / находятся в ведении местного населения. В работах анализируются механизмы сохранения религиозных традиций, описываются ритуальные практики, сформировавшиеся в советский период, связанная с ними устная традиция.

Предлагаемая статья продолжает исследования почитаемых объектов, функционировавших на протяжении XX в. в коми селах, обращаясь к элементам культурного ландшафта, которые традиционно рассматриваются как значимые символы православной традиции (храмы, часовни, кладбища). Целью нашего исследования является выявление общих тенденций и

локальных особенностей формирования и развития обозначенных элементов культурного ландшафта на протяжении XX в. Поскольку дать детальную характеристику для каждой конкретной группы поселений указанного региона в рамках одной статьи не представляется возможным, мы рассматриваем реализацию различных сценариев развития событий, связанных с закрытием сельских храмов, формированием «новой» советской обрядности на отдельных примерах.

Сельские храмы и часовни. В конце XIX – первой половине XX в. деревенские храмы, часовни, монументальные кресты и т.п., являвшиеся наиболее яркими образами-символами, играли важную роль в формировании культурного ландшафта. Характеризуя религиозность зырян, К. Попов пишет: «Во всяком сколько-нибудь значительном селении, где нет церкви, построены в виде церквей, даже с колокольнями, часовни, куда, по праздникам, и старые, и малые собираются слушать чтение и толкование священных книг. В Устьсысольском уезде на каждые три населенных местности приходится по часовне, а в Яренском – на пять» [22. С. 47]. Приведем еще несколько описаний, сделанных путешественниками и исследователями, посетившими разные районы, заселенные зырянами в конце XIX – начале XX в. «Обособленностью зырян можно также объяснить и склонность их так тщательно сохранять остатки старины. Едва ли где-нибудь в другом уголке деревенской России можно найти такие, например, первобытные деревянные церкви, какие нередко встречаются в краю зырянском» [23. С. 39]. «Сзади белеют, как чайки на синей поверхности хвойного моря, две окладские церкви; несколько далее за небольшим перелеском горят лазурью купола усть-вымских церквей» [24. С. 44]. «По мере того, как продвигаешься вверх по р. Ижме <...> перестают попадаться и красиво выстроенные храмы, или есть церкви, но нет священников <...>, а в других вместо церквей стоят <...> простые часовни» [25. С. 34].

Следует отметить, что в начале XX в. восприятие храмов могло быть не однозначным и зависело от конфессиональной принадлежности населения. Весьма показательна история строительства храма в старообрядческом селе Подчерье на верхней Печоре, где в 1903 г. был построен храм во имя Петра и Павла. Его строительству предшествовал конфликт между подчерцами и властями: местные жители долгое время отказывались выделять место под постройку храма. Несмотря на недовольство подчерцев, строитель-

ство было начато вычегодскими мастерами «при помощи полиции» [26]. Враждебное отношение староверов объяснялось тем, что церковь решено было строить на месте старого старообрядческого кладбища. Щугорский священник Александр Покровский так описал эти события в церковной летописи Подчерья. «Подчерцы не давали места под постройку церкви с самого начала, под конец они были почти убеждены в том, что церковь будет вне селения и они восторжествуют, но Бог судил иначе. Церковь построена именно на том месте, где они наименее всего желали. Нужно было видеть как подчерцы – особенно женщины, оплакивали место усыпальницы, которую перенесли далее в сторону, чтобы дать место новому храму <...> И как причитали подчерские старухи, когда рубили лес, выросший на могилах прадедов» [27].

Возведение храма на месте «чужой» святости было довольно распространенной практикой миссионерской деятельности Церкви. Нежелание светских и духовных властей идти на компромисс стали причиной последующих конфликтов между местным населением и духовенством. С 1904 по 1908 г. службы в церкви не велись, поскольку не было священника, как только он появился, подчерцы вручили ему приговор «о нежелании иметь церковь». В 1908–1909 гг. жителями села подано несколько прошений о её ликвидации в разные инстанции (Вологодскому губернатору, Епископу Вологодскому и Тотемскому). В ответ губернатором было сделано распоряжение отгородить храм от старообрядческого кладбища. Епископ Никон в своем послании указал, «чтобы убрать церковь, нужно обращаться не к православному Архиерею, а искать людей, потерявших веру и совесть». По сведениям священника, подчерцы, не добившись желаемого результата, собирались отправить прошение императору [28]. Отметим, что в Подчерье к этому моменту существовали две старообрядческие часовни, выстроенные «незаконно» [29. С. 44–45].

По мнению исследователей, в конце XIX – начале XX в. храм был духовным центром, объединявшим жителей села или группы сел [30. С. 92; 31. С. 154], а престольные праздники являлись важным элементом функционирования религиозной традиции, поддерживая местную солидарность и идентичность [5. С. 309; 32. С. 160]. В селах со старообрядческим населением такими духовными центрами являлись моленные дома, часовни, скиты [29]. Часовни и церкви в зырянских приходах, как и во многих местностях Русского Севера, ставились на наиболее просматриваемых местах. Они являлись не только символическими, но и значимыми топографическими объектами, культовыми комплексами (храм / колокольня / кладбище), формирующими облик местности [31. С. 153; 33. С. 79; 34; 35. С. 136–137] (фото 1, 2). Храмы и монастыри рассматривались не только как религиозные символы, но и как символы православного российского государства [36]. На территории современной Республики Коми до 1917 г. насчитывалось 177 православных храмов, 235 часовен, три монастыря [37. С. 173]. В дореволюционный период в Коми крае, равно как и во многих регионах России, православие являлось «частью нерелексируемого жизненного мира, контекстом общей культурной социализации» [38. С. 415].

После событий октября 1917 г. происходит кардинальная переоценка места религии в жизни общества. К началу 1930-х гг. в России оформилась и получила одобрение концепция «воинствующего атеизма», основанная на идее о контрреволюционной сущности религии и антисоветской деятельности ее носителей [39. С. 289]. Со второй половины 1920-х гг. в Коми области различными организациями (Коми обком РКП(б), комиссия по культам, ячейки СВБ) ведется систематическая научно-атеистическая пропаганда (антирелигиозные кампании, публикации в периодической печати), неотъемлемой частью которой стали закрытие храмов и уничтожение почитаемых объектов. К 1941 г. на территории Коми АО не осталось действующих храмов [40. С. 76–82].

В устных рассказах, зафиксированных в 1990–2000-е гг., объединенных общей темой – «наказание за святотатство», повествуется о действиях, связанных с закрытием храмов: сбрасывании колоколов, крестов с купола, уничтожении и осквернении икон. Приведем в качестве примера несколько рассказов, записанных в разных районах. «Тот человек, который сбросил колокол с часовни, умер в страшных мучениях – в течение недели весь покрылся язвами и истек кровью» [15. С. 158]. «Когда церкви закрывались, коммунисты Поповы сделали себе из церковных икон в бане полки <...> родители умерли в тяжелых и продолжительных мучениях от рака. Старший сын Всеволод повесился. Второй сын Андрей утонул. Дочку Марию Господь лишил разума. Дочь Роза умерла от рака после продолжительной болезни» [41]. «Когда церковь разрушали, Гриша Степан был. Он крест с церкви скинул на землю, народ около церкви собрался, все видели. Семья этого Гриша Степана до сих пор плохо живет» [42]. «На церковь к кресту залез житель села Слудка Сырчиков Модест (или Никифор), он зацепил тросом крест, и трактор сорвал его <...> земля дрогнула, на небе засверкала молния, которая и убила Сырчикова» [43. С. 62]. Подобные рассказы зафиксированы в фольклорной традиции многих регионов России (Архангельская, Кировская, Пермская, Нижегородская и др.) [44, 45].

Записаны рассказы о разрушении / разорении храмов, где данный сюжет отсутствует, при этом дана оценка как самого события, так и деревенского сообщества. «Здесь часовня была, деревянная, очень красивая в Кывтыде. Часовня была деревянная, много икон было. У меня мать ходила в церковь, а отец не ходил. Говорил, что там люди просто на красивые платки ходят смотреть. Не веруют. Потом часовню убрали. Сейчас на месте часовни ничего нет, сушилку сделали. Из часовни все образа выкинули в воду, те, кто смелые были, забрали». «У нас здесь вера была слабой, часовню сломали, кричали: “Долой”. Слабая у нас вера, послушные были». «Вот мы грешили: всю жизнь в церкви танцевали, там был клуб. После того, как церковь закрыли, люди, кто хотел, взял иконы» [46]. «Раньше была тут большая церковь, с большими окнами, деревянная церковь. После войны тремя тракторами разрушили. Образа разобрали еще в Гражданскую войну» (беседы с информантами записаны на коми языке. – В.В.) (жен. 1930 г.р., с. Н. Воч, Усть-Куломский р-н, 2014 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова).

Фото 1. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1960-е гг., с. Помоздино, Усть-Куломский р-н. Фото Л.Н. Жеребцова

Фото 2. Церковь Петра и Павла, 2015 г., дер. Политово, Удорский р-н. Фото В.В. Власовой

Часть икон, скульптур и церковной утвари передавалась в музеи, часть – уничтожалась, часть – забирали в свои дома верующие (фото 3, 4). В последнем случае дома хранителей святыни становились своеобразными религиозными центрами, куда верующие

приходили на праздничные службы, по обету и т.п. [17. С. 276–277; 47. С. 108–109; 48]. Известны случаи, когда до момента возвращения храмовых икон Церкви, односельчане не знали об их существовании. «В амбаре у Политовых хранились.

Фото 3. Храмовая икона и скульптура в частном доме, 2001 г., с. Вольдино, Усть-Куломский р-н. Фото В.В. Власовой

Фото 4. Храмовая икона в частном доме, 2007 г., с. Покча, Троицко-Печорский р-н. Фото В.В. Власовой

Они из часовни сложили иконы в амбар. Иконы из вылибской часовни, не из церкви. Мы не знали, что у них в амбаре иконы. Узнали, когда он заболел и иконы отдал. Тогда узнали» (жен., 1937 г.р., с. Глово, Удорский р-н, 2017 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова). «Шесть икон, больше роста человека, теперь они в церкви в Усогорске. В двух семьях хранились иконы и так до 2006 г., семьдесят лет они хранили иконы. В 2006 г. просто решили амбар снести и не знали, куда деть иконы. Им посоветовали отдать в церковь, они позвонили в Усогорск и договорились. Амбар на запад смотрит, открыли амбар, а иконы сияют. Священники встали на колени и стали молиться. Как он отдал иконы, ему лучше стало, хотя сами они с этим не связывают. В другой семье иконы стояли в доме, их тоже передали, так они в прекрасном состоянии» (жен., с. Глово, Удорский р-н, 2017 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова).

Приведем в качестве примера типичного сценария развития событий историю одной из самых известных группы памятников, существовавших до 1970-х гг. в Удорском районе – часовни Св. Параскевы и часовни над деревянным крестом, недалеко от дер. Кресты (в 1859 г. в дер. Троицкой (Крестовская Пустыня) имелось 4 двора, 48 жителей, в 1926 г. – 10 дворов, 54 жителя, в 1959 г. – 10 жителей. В 1964 г. исключена из учетных данных [49. С. 235]). Появление креста связывали с именем Стефана Пермского [50. С. 99; 51. С. 96]. Н. Казаков, священник Ертомской Троицкой церкви, давший детальное описание креста (размеры, надписи), предположил, что крест воздвигнут монахом Троицкой Крестовоздвиженской пустыни [52. С. 144]. Сохранилось описание этого комплекса памятников, имевшего большое значение для религиозной традиции удорских коми, составленное в начале XX в. епархиальным миссионером: «В чаще бора и сосны как бы скрылись две часовенки: одна недавней сравнительно постройки, другая – ветхая <...> в древней часовенке находится большой деревянный крест, который поставлен на этом месте в 1570 г., а в другой – маленький медный крест, явившийся на черемухе <...> В девятую пятницу после Пасхи к местным святыням для совершения молебствий приходят толпы зырян из всех приходов Удоры» [53. С. 37–38].

Достаточно подробное описание памятников было сделано в 1961 г. краеведом А.А. Поповым. Согласно его заметкам, часовня находилась в километре от дер. Крестовской на правом берегу р. Вашки, в 120 м от берега и трех десятках шагов от вершины озера *Вежа ты* (Святое озеро), располагавшегося к северу от часовни. По его словам, до 1930–1940-х гг. внутри часовни, у ее восточной стены, стоял деревянный крест. За крестом, «на уровне глаз взрослого человека», шла неширокая полка, на которой стояли две–три потемневшие старинные иконы. В конце XIX в. около старой часовни была построена новая, более вместительная, в которой находилась еще одна местная святыня – икона вмч. Параскевы. В 1930 г. здание новой часовни сплывали в с. Ёртом и разместили там библиотеку. В 1960-е гг. икона хранилась в амбаре жительницы дер. Крестовской Параскевы Ивановны Матвеевой. Здесь же некоторое время хранился и яв-

ленный медный крест. К этому времени старая часовня была заброшена, а поклонный крест пропал. Попытки А.А. Попова, убежденного, что местные жители спрятали святыню, выяснить, где же находится крест, успеха не имели. Старая часовня постепенно разрушалась. В одном из писем житель с. Ёртом сообщил, что в 1975 г. часовня развалилась, а икона Параскевы, по-прежнему хранится у жительницы села [54–56]. Несмотря на разрушение часовен и частичную утрату святынь, традиция празднования дня вмч. Параскевы на девятую пятницу после Пасхи сохранилась по сей день. С середины XX в. центром праздника стала дер. Кривое [21. С. 170]. Празднование дня Параскевы (девятая пятница после Пасхи и 10 ноября) проходило и в с. Ёртом, куда, по словам местных жителей, после закрытия часовни икону вмч. Параскевы привезла монашка Ульяна [57. С. 35–36]. Почитаемые объекты (часовни и крест), получившие широкую известность в конце XIX в., начиная с 1930-х гг. постепенно разрушались: одна часовня была разобрана, на основе ее сруба была построена библиотека, другая обветшала и разрушилась, поклонный крест был утрачен. В начале 2000-х гг. здание библиотеки с. Ёртом, построенное на основе сруба часовни из дер. Кресты, было передано верующим.

В то же время храмы могли оставаться значимыми объектами для религиозной жизни села. Например, в 1960–1970 гг. на молебен в дер. Кривое Удорского района (часовня Параскевы Пятницы) собиралось от 40 до 150 человек [20. С. 78]. В с. Сизябск Ижемского района (церковь Благовещения) в начале 1970-х гг. около храма в дни праздника собиралось до 200 человек, приезжавших со всего района. Поскольку храм был закрыт, в восточной стене была вырублена ниша, куда верующие ставили свечи, здесь же проводили молебен. В 1993 г. году храм был возвращен православной общине села, со временем ниша в стене была заделана [15. С. 156–157].

Судьба зданий, храмовых икон и утвари в советский период была различна: храмы использовались как зернохранилища, складские помещения, дома культуры, котельные (Подъельск, Аныб) и даже молокозавод (Помоздино); некоторые здания забрасывались и постепенно ветшали; другие разбирались, а бревна и кирпичи использовались в строительстве. Ряд культовых построек, несмотря на закрытие, вопреки запретам, в какой-то мере сохранял свои функции. Следует отметить, что в 1970-е гг. происходит переоценка значимости культовых памятников. Сохранившиеся здания исследователи предлагали рассматривать как памятники, представляющие историческую и культурную ценность [58. С. 6–7]. С начала 1990-х гг. идет процесс возвращения сохранившихся зданий сельских храмов РПЦ, ведется их реставрация как силами прихожан, так с привлечением бюджетных средств (если здание включено в реестр объектов культурного наследия). К настоящему времени многие храмы утрачены (большая часть часовен и деревянных храмов), часть уцелевших не подлежит реставрации. Несмотря на плачевное состояние, эти здания по-прежнему играют значимую роль в формировании культурного ландшафта и визуально, и как

объекты, которые актуализируют и поддерживают сложившуюся устную традицию (рассказы, легенды о разрушении церквей) [45].

Сельские кладбища и советские мемориальные памятники. Важными элементами культовых комплексов поселений являлись приходские кладбища. При церквях, находившихся в селах и деревнях, с разрешения местных церковных и гражданских властей хоронили священнослужителей, членов их семей, а так же мирян, «за вклад в церковь». Верующие часто обращались к приходским священникам с просьбой похоронить родственников при церкви, в свою очередь епархиальные власти вводили ограничения, подчеркивая, что хоронить мирян у церквей, находящихся в селениях, следует как можно реже, лишь при наличии особых уважительных причин [59. С. 1333–1334]. До 1917 г. государство и, в первую очередь, церковь следили и за должным погребением православных, и за обустройством кладбищ, пресекая их незаконное возникновение, диктуя определенные правила (время захоронения, глубину могилы, уход за могилами и т.д.). В досоветской деревне похоронить человека без священника было практически невозможно. В то же время в Усть-Сысольском и Яренском уездах в деревнях, расположенных на значительном расстоянии от приходских церквей, существовали незаконно созданные кладбища, а в районах со старообрядческим населением – так называемые раскольнические кладбища. Местное духовенство пыталось бороться с этим явлением разными способами: от прошений гражданскому начальству до уничтожения объектов. В 1851 г. священники Троицкой Печорской церкви требовали от окружного начальства, чтобы тела умерших привозили хоронить на кладбище к церкви, не соглашаясь совершать службу над погребаемыми при селениях. Усть-Сысольский окружной начальник это требование не удовлетворил, разрешив проводить «службу над захоронениями», поскольку церковь находилась на расстоянии от 100 до 400 верст от некоторых селений [60].

В 1920–1940-е гг. разрушения затронули не только церкви, но и находившиеся рядом с церквями кладбища. Рассказы о том, как уничтожались старые кладбища фиксируются в современной устной традиции. «Кладбище было одно, около церкви там раньше всех и хоронили. Когда церковь убрали, то некоторые могилы открылись, были видны волосы, одежда. В одной из могил были похоронены мать и младенец (жен., 1920 г.р. с. Дон, Усть-Куломский р-н, 1999 г., зап. В.В. Власова). «Рядом с церковью было кладбище, теперь, где народ ходит, там плиты были металлические, написаны фамилия, имя, отчество. Очень красиво. Сюда ведь отовсюду привозили» [61]. В некоторых селах намогильные плиты с разоренных кладбищ использовались при строительстве дорог. В 2006 г. в с. Сельбь Удорского района был зафиксирован рассказ о том, что после закрытия церкви чугунные плиты с могил священнослужителей использовались в хозяйстве двух семей (плиты на печь). В это время один из домов, где предположительно находилась одна из плит, разбирали на дрова и действительно мы обнаружили часть плиты у стены полураз-

бранного сарая, однако спросить хозяев, использовали ли ее в качестве печной плиты, не было возможности.

Разрушая старые памятники, власть создавала на их месте новые. Часто недалеко от церквей хоронили красноармейцев и сельских активистов, погибших в годы Гражданской войны (фото 5). Такие памятники есть в Троицко-Печорском, Удорском, Ижемском, Усть-Куломском, Сысольском, Сыктывдинском, Усть-Вымском районах. На наш взгляд, подобные погребения рядом с храмом можно объяснить бытовавшими в крестьянской среде представлениями о достойном месте захоронения. В 1960-е гг. на месте некоторых захоронений появились мемориальные сооружения (стелы, плиты), ежегодно отмечался день Октябрьской революции, активную работу вели школьные краеведческие кружки. По рассказам жителей с. Керчомья, бетонный памятник на могиле советского активиста А.П. Гичева был установлен на могилах плит священнослужителей, которые не смогли переместить [62]. Пионеры с. Кослан ходили в зимние лыжные походы по местам боевых действий Гражданской войны (с. Пысса, дер. Сельбь и др.). Дети встречались с красноармейцами, записывали их рассказы, посещали могилы погибших. По результатам таких походов создавались альбомы, в которых фиксировалась собранная информация. Можно предположить, что составление подобных альбомов было весьма распространенной практикой [45].

Со второй половины XX в. в селах появились памятники солдатам Великой Отечественной войны (фото 6). Вероятно, мотивация при выборе места для их установки была несколько иная: расположение у дома культуры (здание бывшей церкви) или в центре села, на возвышенности. Сельские памятники представляют собой стелы, обелиски, гипсовые фигуры солдат и др. Обязательным элементом мемориальных комплексов со временем стали плиты с фамилиями односельчан, погибших на войне (плита с именами погибших – своеобразный минимум). Исследователи отмечают, что празднования и мемориалы тесно связаны с деятельностью государственных институтов, несут ярко выраженную идеологическую нагрузку [63], а памятники являются одним из самых прямолинейных и «наивных» знаков идентичности, служащие для коллективного воспоминания [64].

Мемориалы солдатам, погибшим во время Великой Отечественной войны, за полувековую историю своего существования стали неотъемлемой частью современного городского и сельского ландшафта. В некоторых селах можно наблюдать ситуацию, охарактеризованную как «концентрация памятников в одном мемориальном месте», которое «изначально» было вписано в ландшафт как таковое [65]. Например, в селах Сельбь, Ёртом, Важгорт, Глотово Удорского р-на памятники героям ВОВ расположены рядом со зданиями церквей, рядом / на месте старого (приходского) кладбища, неподалеку находятся могилы красноармейцев, расстрелянных в годы Гражданской войны, в пгт. Троицко-Печорск рядом со зданием бывшей церкви находятся: два памятника красноармейцам, памятник учителям и ученикам Троицко-Печорской школы, погибшим в годы ВОВ; районный музей и памятная плита жертвам репрессий.

Фото 5. Могила красноармейца В.П. Захарова, церковь Вознесения Господня, 1960-е гг., с. Ыб, Сыктывдинский р-н. Фото Л.Н. Жеребцова

Фото 6. Памятники погибшим в годы Гражданской, воинам, солдатам Великой Отечественной войны, церковь Рождества Христова, 2017 г., с. Глоново, Удорский р-н. Фото В.В. Власовой

С начала 1990-х гг. произошла переоценка событий октября 1917 г., что в свою очередь привело к переоценке революционной деятельности местных активистов, в некоторых селах поднимался вопрос о демонтаже памятников погибшим в годы революции. Иная судьба у сельских памятников погибшим в годы Великой Отечественной войны. По мнению исследователей, Победа 1945 г. стала главным символом войны и является «единственной позитивной опорной точкой национального самосознания постсоветского

общества» [65]. Интересно, что первоначально отношение к памятникам воинам, погибшим в годы ВОВ, могло быть неоднозначным. В с. Ёртом памятник был установлен на месте старого кладбища, разрушенного после закрытия церкви. По рассказам жителей, молния дважды ударяла в памятник, поскольку он стоял «не на месте». Со временем восприятие памятника изменилось: он стал восприниматься как неотъемлемая часть существующего ландшафта [57. С. 38–39]. В селе Глоново в 1960-е гг. памятник погибшим в го-

ды ВОВ так же был установлен рядом со зданием церкви, недалеко от могилы красноармейцев. По воспоминаниям старожилов, молодые ребята, уходившие в армию, обходили церковь и памятник. «Перед тем как ехать, идут с гармошкой по селу, собираются у церкви. Церковь кругом обходят, по солнцу, чтобы Михаил Архангел помогал. Там памятник есть, воин, там тоже надо обойти. Просто проходят, без молитвы» (жен., 1939 г.р., с. Глово, Удорский р-н, 2017 г., зап. С.А. Сажина, Л.С. Лобанова, В.В. Власова). В 1990–2000-е гг. в некоторых селах у памятников героям Великой Отечественной войны были воздвигнуты кресты. Деревянный крест есть у памятника в дер. Половники Княжпогостского района. По инициативе председателя сельсовета в с. Пысса, рядом с памятником ВОВ установили бетонный крест, на который прикрепили плиту с именами павших солдат. В с. Пучкома (Вашка) в середине 1990-х гг. у памятника установили деревянный восьмиконечный крест с двускатной кровлей. В 2002–2003 гг. деревянный крест обветшал и был заменен шестиконечным металлическим. В 2004–2006 гг. 22 июня у памятника проводилась поминальная служба, после которой устраивались трапезы [66. С. 56]. В 2005–2006 гг. поминальные службы проходили и у мемориала ВОВ в с. Важгорт. Таким образом, вокруг сельских памятников погибшим в годы ВОВ складывается комплекс мемориальных действий, ориентированных на традиционные сценарии, которые могут значительно отличаться в разных районах, хотя в целом вполне вписываются в существующую общегосударственную концепцию (22 июня – День памяти и скорби). В силу объективных причин памятники и память о войне в современных коми селах воспринимаются несколько иначе, чем в городе, памятник установлен не абстрактным / малоизвестным героям, а конкретным людям, что способствует более личному, эмоциональному восприятию [Там же. С. 57].

Подводя итоги, отметим, что в советский период полностью «удалить» культовые памятники из культурного ландшафта коми сел власти не смогли. Сформировавшаяся в это время практика проведения внехрамовых богослужений без участия духовенства была связана как с сохранившимися у жителей храмовыми иконами, так и с заброшенными зданиями церквей и часовен. Начиная с 1920-х гг. происходит по-

степенное формирование «новой» обрядности и мифологии, связанной с советскими мемориальными сооружениями [53]. В сельской местности эти памятники зачастую размещались в непосредственной близости от церквей, которые к тому времени были превращены в дома культуры или административные здания. Можно говорить о том, что помимо мемориалов, имевших общероссийское значение (мавзоль Ленина, Марсово поле, Могила Неизвестного Солдата, Мамаев курган и др.), складывается ближний круг памятников, которые «формируют» единство поселенческого или административного порядка (сельские памятники на могилах советских активистов, мемориалы ВОВ). На наш взгляд, эти явления имеют определенное типологическое сходство с дальними и ближними богомолниями православных крестьян конца XIX – начала XX в. [67. С. 316, 325, 335]. Советские памятники стали своеобразными местами поклонения, маркируя процесс освоения новой идеологией пространства сельских поселений.

После падения советского строя происходит значительное изменение ситуации в религиозной сфере. За последние двадцать лет увеличилось число сельских приходов, активно восстанавливаются храмы, здания которых постепенно возвращают Церкви, строятся новые; в местах разрушенных погребений сельского духовенства, на месте разрушенных храмов ставятся памятные знаки [12. С. 104]. Судьба памятников, появившихся на селе в советский период, различна. Следует отметить, что могилы советских активистов в настоящее время входят в число объектов культурного наследия регионального значения, расположенные на территории Республики Коми [68], однако мероприятия рядом с этими памятниками, как правило, не проводятся, отношение к ним со стороны местных жителей не всегда однозначное. Памятники солдатам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, по-прежнему играют важную роль в жизни сельских сообществ и сегодня. Современные празднования Дня Победы продолжают традиции, сложившиеся в советские годы, и характерны для всех районов Республики Коми. Связанные с мемориалами ВОВ ритуалы, появившиеся в постсоветский период, позволяют говорить о символическом освоении советского и постсоветского культурного ландшафта села посредством традиционных религиозных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова А.А. Еще раз про ландшафт, культурную географию, этнокультурное и лингвокультурное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География. 2011. Вып. 1. С. 114–123.
2. Иванова А.А., Калущков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья. М.: ОГИ, 2009. 512 с.
3. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера» ; Ярославль : ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.
4. Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / науч. ред. Н.И. Шутова. Ижевск, 2009. 244 с.
5. Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп / отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб.: МАЭ, 1995. С. 208–318.
6. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алтай, 1998. 306 с.
7. Виноградов В.В. Почитаемое место // Мифология и религия в системе культуры этноса: материалы II Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2003. С. 61–63.
8. Чувьоров А.А., Смирнова О.Н. К типологии деревянных крестов у коми-зырян // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2002. С. 78–83.
9. Чувьоров А.А., Смирнова О.Н. «Святые» и «святы места» в традиционной культуре верхневычегодских коми // Музеи и краеведение. Труды национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2003. Вып. 4. С. 149–164.

10. Голубкова О.В. Священные кресты ижемских коми (по материалам экспедиции 2003 г. в Ижемском районе республики Коми) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. 9, № 2. С. 57–61.
11. Чувьоров А.А., Шарапов В.Э. Местночтимые святыни у верхневьчегодских коми // Живая старина. 2006. № 2. С. 23–26.
12. Власова В.В. Динамика религиозной традиции в советский и постсоветский периоды: воздвижение креста к коми селам // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 100–108.
13. Лимеров П.Ф. Народные праздники на Вашке // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. Вып. 3. С. 40–41.
14. Шарапов В.Э. Богородичные праздники у современных коми. Сыктывкар, 1995. 32 с. (Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 359).
15. Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми / ред. Н.Д. Конаков. Сыктывкар, 2001. С. 148–168.
16. Лимеров П.Ф. «Святая Пятница Параскева, моли Бога о нас!» // Арт (Лад). 2005. № 3. С. 110–121.
17. Панюков А.В., Савельева Г.С. Храмовые и заветные праздники в Коми крае (по полевым архивным материалам) // Paleoslavica. 2006. Vol. XIV. С. 262–286.
18. Чувьоров А.А., Шарапов В.Э. Местночтимые святыни в пространстве–времени заветных и храмовых праздников у современных сельских коми // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России / отв. ред. Н.М. Теребихин. Архангельск, 2006. С. 266–273.
19. Голубкова О.В. Храм под еловыми ветвями // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. XIV. С. 310–313.
20. Vlasova V.V., Sharapov V.E. The church, icon, and holiday of St. Paraskeva friday among the contemporary Udor Komi // Anthropology and Archeology of Eurasia. 2012. Vol. 50, is. 4. P. 76–83.
21. Власова В.В., Шарапов В.Э. Региональное / локальное в традиции почитания Св. Параскевы у коми-зырян // Европейский Север: локальные группы и этнические границы / отв.ред. О.И. Уляшев. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 71). С. 162–182.
22. Попов К.А. Зырянский край. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XIII, вып. 2: Труды этнографического отдела. М.: Типография С.П. Архипова, 1874. Кн. 3, вып. 2. 89 с.
23. Засодимский П.В. Лесное царство. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 143 с.
24. Шергин И.А. В дебрях севера. СПб.: Отечественная типография, 1910. 80 с.
25. Мартынов С.В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 276 с.
26. Национальный архив Республики Коми (далее НАРК). Хр. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 200. Л. 13 об.
27. НАРК. Хр. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 195. Л. 4 об.
28. НАРК. Хр. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 195. Л. 5–7 об.
29. Власова В.В. Культурные памятники и формирование локальной специфики старообрядческой традиции у коми // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Вып. 12. С. 5–8.
30. Громыко М.М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 88–103.
31. Третьякова С.В. Геокультурная среда Белозерского края и ее роль в формировании этноконфессионального сознания местного населения // Мировоззрение и народная культура севернорусского населения / отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2006. С. 145–157.
32. Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 124–167.
33. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат. Ленингр. отд., 1982. 168 с.
34. Камкин А.В. Приходское пространство // Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/>
35. Ильина И.В., Уляшев О.И. Престольные праздники верхневьчегодских коми // Европейский Север: локальные группы и этнические границы / отв. ред. О.И. Уляшев. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71). С. 133–161.
36. Кулешов Е.В. Святое место и государственный миф // Мифология и повседневность. Вып. 2: Материалы научной конференции 26–26 февраля 1999 года. СПб., 1999. С. 435–444.
37. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Религиозная ситуация в Коми крае // История Коми с древнейших времен до конца XX в. / отв.ред. А.Н. Турубанов. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2004. Т. 2. С. 173–175.
38. Ипатова Л.П. Современные особенности освоения православной традиции // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. С. 409–456.
39. Гайлит О.А. Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 288–308.
40. Рогачев М.Б. Время против религии. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1986. 136 с.
41. Суворов Е. Усть-Куломские истории // Вера (Эском) (сайт). Архив 1991–1999. Земля Коми. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/83.htm> (дата обращения: 05.2010).
42. Научный архив Коми научного центра (далее НА КНЦ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л. 21.
43. Югова М. История слудской Воскресенской церкви // Святыни земли Коми: церкви, часовни, монастыри, иконы: Дайджест / сост. М.А. Першина. Сыктывкар, 2007. С. 60–64.
44. Добровольская Е.В. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. XXX. С. 500–512.
45. Мороз А.Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Портал CREDO.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3425> (дата обращения: январь 2017).
46. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 613. Л. 2, 6, 23.
47. Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 101–111.
48. Лобанова Л.С., Рассыхаев А.Н. Современная традиция почитания православных икон в с. Нившера Корткеросского р-на Республики Коми // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 38–51.
49. Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. М.: Наука, 2001. 584 с.
50. Лебедев А. Св. Стефан, первый епископ Пермский // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1896. № 6. С. 85–106.
51. Михайлов М. Усть-Вымь // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1850. № 10. С. 93–96.
52. Казаков Н. Крест на Удоре и древняя Крестовоздвиженская пустынь // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1901. № 6. С. 143–147.
53. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Проклопиевского Братства за 1902–1903 гг. // Приложение к Вологодским епархиальным ведомостям. 1904. № 7–8. С. 37–38.
54. НАРК. Ф. р-1715. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

55. НАРК. Ф. р-1715. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.
56. НАРК. Ф. р-1715. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.
57. «Унатор на тьянды колб висътавны... Многое хочется поведать вам»: Историко-культурное наследие села Ёртом / сост. А.А. Таскаева, Л.С. Лобанова. Сыктывкар : Этнокультурный центр «Гимназии искусств при Главе РК им. Ю.А. Спиридонова», 2015. 100 с.
58. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1971. 95 с.
59. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей : сб. сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. 3-е изд., испр. и доп. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. 1772 с.
60. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 133. Л. 232.
61. НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 48.
62. Суворов Е. Нечисти супротив // Вера (Эском). Архив 1991–1999. Земля Коми. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/51.htm> (дата обращения: январь 2017).
63. Адоньева С.Б. Категория настоящего времени: (антропологические очерки). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. 176 с. (Ethnographica Petropolitana, VIII).
64. Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html>
65. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html>.
66. Власова В.В. Формы репрезентации памяти о Великой Отечественной войне в локальных группах (на примере сельских коми РК) // Европейский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): к 65-летию Победы : материалы конф. Сыктывкар : ИЯЛИ, 2010. С. 50–57.
67. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. 416 с.
68. Объекты культурного наследия регионального значения, расположенные на территории Республики Коми (общий список) // Управление Республики Коми по охране объектов культурного наследия. URL: http://okn11.rkomi.ru/pages/obekty_kulturnogo_naslediya_regionalnogo_znacheniya (дата обращения: 11.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 31 января 2018 г.

CHANGES IN THE CULTURAL LANDSCAPE DURING THE SOVIET AND THE POST-SOVIET PERIODS: RURAL TEMPLES AND CEMETERIES (ON THE EXAMPLE OF THE KOMI REPUBLIC)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 74–85.

DOI: 10.17223/15617793/432/9

Victoria V. Vlasova, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

Keywords: holy places; temple; cemetery / pogost; soviet monuments; ritualism.

Holy places are an integral part of the cultural landscape of rural Russia. They play an important role in shaping the local, ethnic and religious identity. The article deals with elements of the cultural landscape which were vital symbols of the Russian Orthodox tradition (churches, chapels, cemeteries). The aim of the study is to highlight general trends and local features of the functioning of these elements of the cultural landscape during the 20th century. The author tries to show different scenarios related to the fact that churches in the villages were closed in the 1930s and to the new soviet ritualism. The study is based on the archive data and field materials collected during ethnographic expeditions in rural areas of the Komi Republic in 1999–2017. In this article, the author considers churches and rural chapels that played an important role in the formation of the cultural landscape of the village, that were symbols of Orthodoxy. It is no coincidence that the closing of churches became an integral part of the Soviet anti-religious policy. Stories about destroying churches and punishment for the sacrilege still remained in the people's memory. During the Soviet period rural temples were used as storehouses, houses of culture or clubs; they were demolished, abandoned and gradually ruined. Despite the prohibitions, some temples retained their functions to some extent: here local people celebrated services without clergy. The author points that instead of the destroyed old monuments Soviet authorities created new ones. Near the church buildings there appeared monuments to the Red Army soldiers who died during the Civil War, memorials to the Great Patriotic War (1941–1945) and a new “Soviet ceremony” associated with these monuments was formed. The author comes to a conclusion that during the Soviet period local authorities could not entirely “erase” religious buildings and structures from the cultural landscape of rural areas of the Komi Republic. In some cases, Soviet rituals were associated with church buildings. Soviet monuments became a kind of places of worship, visible symbols of the new ideology. During the post-Soviet period, the number of rural parishes increased, many churches were rebuilt, some new ones were built. In some villages, memorial signs were put on places of destroyed burials of the rural clergy and on places of destroyed temples. In the contemporary village, public attitude towards Soviet monuments varies. The author noted the current ambivalence towards monuments to the Red Army soldiers who died during the Civil War, while memorials to the Great Patriotic War still play an important role in the public life of rural communities. Annual celebrations of the Victory Day (9 May) continue the Soviet tradition. At the same time, some folk rituals which had existed during the Soviet period and appeared in the post-Soviet time connected with these monuments allow speaking about the symbolical development of the rural cultural landscape by means of traditional religious practices.

REFERENCES

1. Sokolova, A.A. (2011) Eshche raz pro landshaft, kul'turnuyu geografiyu, etnokul'turnoe i lingvoladshaftovedenie [Once again about the landscape, cultural geography, ethnocultural and linguistic landscape study]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya*. 1. pp. 114–123.
2. Ivanova, A.A., Kalutskov, V.N. & Fadeeva, L.V. (2009) *Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya* [Holy places in the cultural landscape of Pinega]. Moscow: OGI.
3. Permilovskaya, A.B. (2013) *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Ekaterinburg: Uro RAN; Arkhangelsk: Pravda Severa; Yaroslavl: Yaroslavl SPU*.
4. Shutova, N.I. et al. (2009) *Istoriko-kul'turnyy landshaft Kamsko-Vyatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of the Kama-Volga region]. Izhevsk: UIIIL UrB RAS.
5. Bernshtam, T.A. (1995) Lokal'nye gruppy Dvinsko-Vazhskogo areala: Dukhovnye faktory v etno- i sotsiokul'turnykh protsessakh [The local groups of the Dvina–Vaga area: Spiritual factors in ethnic and socio-cultural processes]. In: Bernshtam, T.A. (ed.) *Russkiy Sever: K probleme lokal'nykh grupp* [The Russian North: On the problem of local group]. St. Petersburg: MAE.

6. Panchenko, A.A. (1998) *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyne Severo-Zapada Rossii* [Studies in folk religion. The rural sacred places of the northwestern part of Russia]. St. Petersburg: Aleteiya.
7. Vinogradov, V.V. (2003) [The place of worship]. *Mifologiya i religiya v sisteme kul'tury etnosa* [Mythology and religion in the culture of an ethnic group]. Proceedings of the II St. Petersburg ethnographic readings. St. Petersburg: REM. pp. 61–63. (In Russian).
8. Chuv'yurov, A.A., Smirnova, O.N. (2002) K tipologii derevnykh krestov u komi-zyryan [On the typology of the Komi-Zyryan wooden crosses]. *Etnicheskoe edinstvo i spetsifika kul'tur* [The ethnographic unity and particularity of cultures]. Proceedings of the I St. Petersburg ethnographic readings. St. Petersburg: REM. pp. 78–83.
9. Chuv'yurov, A.A., Smirnova, O.N. (2003) "Svyatyte" i "svyatyte mesta" v traditsionnoi kul'ture verkhnevychegodskikh komi ["Saints" and "holy places" in the traditional culture of the Upper Vychegda Komi]. *Muzei i kraevedenie. Trudy natsional'nogo muzeya respubliki Komi*. 4. pp. 149–164.
10. Golubkova, O.V. (2003) Svyashchennyye kresty izhemsikh komi (po materialam ekspeditsii 2003 g. v Izhemskom raione respubliki Komi) [Sacred crosses of the Izhma Komi (on the field materials of the expedition to the Izhemski District of the Komi Republic)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 9:2. pp. 57–61.
11. Chuv'yurov, A.A., Sharapov, V.E. (2006) Mestnochtimyye svyatyne u verkhnevychegodskikh komi [Local holy places of the Upper Vychegda Komi]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 23–26.
12. Vlasova, V.V. (2015) Dynamics of religious tradition in the Soviet and post-Soviet periods: exaltation of the Cross in the Komi village. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 390. pp. 100–108. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/390/18
13. Limerov, P.F. (1993) Narodnye prazdniki na Vashke [Folk feasts in Vashka region]. *Rodniki Parmy*. 3. pp. 40–41.
14. Sharapov, V.E. (1995) *Bogorodichnye prazdniki u sovremennykh komi* [Feasts of Our Lady among the Komi today]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.
15. Sharapov, V.E. (2001) Zhivaya traditsiya: zavetnye i khramovyye prazdniki u sovremennykh sel'skikh komi [Live tradition cherished and temple festivals of modern rural Komi]. In: Konakov, N.D. (ed.) *Khristianstvo i yazychestvo naroda komi* [Christianity and paganism of the Komi people]. Syktyvkar: Komi.
16. Limerov, P.F. (2005) "Svyataya Pyatnitsa Paraskeva, moli Boga o nas!.." ["St. Paraskeva Friday, pray for us!.."]. *Art (Lad)*. 3. pp. 110–121.
17. Panyukov, A.V. & Savel'eva, G.S. (2006) Khramovyye i zavetnye prazdniki v Komi krae (po polevym arkhivnym materialam) [Temple and cherished holidays in the Komi region (on field archival materials)]. *Paleoslavica*. XIV. pp. 262–286.
18. Chuv'yurov, A.A., Sharapov, V.E. (2006) Mestnochtimyye svyatyne v prostranstve–vremeni zavetnykh i khramovykh prazdnikov u sovremennykh sel'skikh komi [Local holy places in space and time of the cherished and temple feasts among the Komi]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury*. 2. pp. 266–273.
19. Golubkova, O.V. (2008) Khram pod elovymi vetvyami [Temple under the branches of a fir tree]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. XIV. pp. 310–313.
20. Vlasova, V.V. & Sharapov, V.E. (2012) The church, icon, and holiday of St. Paraskeva Friday among the Contemporary Udor Komi. *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 50(4). pp. 76–83. DOI: 10.2753/AAE1061-1959500408
21. Vlasova, V.V. & Sharapov, V.E. (2012) Regional'noe/lokal'noe v traditsii pochitaniya Sv. Paraskevy u komi-zyryan [Regional/local in Komi-Zyryan tradition of veneration of St. Paraskeva]. In: Ulyashev, O.I. (ed.) *Evropeiskii sever: lokal'nye gruppy i etnicheskies granitsy* [The European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.
22. Popov, K.A. (1874) *Zyryane i zyryanskiy kray* [The Zyryans and the Zyryan land]. *Izvestiya imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. XIII(2). *Trudy etnograficheskogo otdela*. 3(2).
23. Zasedimskiy, P.V. (1908) *Lesnoe tsarstvo* [The forest kingdom]. Moscow: Tipografiya T-va I.D. Sytina.
24. Shergin, I.A. (1910) *V debryakh severa* [In the wilds of North]. St. Petersburg: Otechestvennaya tipografiya.
25. Martynov, S.V. (1905) *Pechorskiy kray. Ocherki prirody i byta. Naselenie, kul'tura, promyshlennost'* [The Pechora region. Issues on nature and way of life. Population, culture, industry]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
26. National Archive of the Komi Republic (NARK). Storage 1. Fund 230. List 1. File 200. Page 13 rev. (In Russian).
27. National Archive of the Komi Republic (NARK). Storage 1. Fund 230. List 1. File 195. Page 4 rev. (In Russian).
28. National Archive of the Komi Republic (NARK). Storage 1. Fund 230. List 1. File 195. Pages 5–7 rev. (In Russian).
29. Vlasova, V.V. (2007) Kul'tovyye pamyatniki i formirovaniye lokal'noy spetsifiki staroobryadcheskoy traditsii u komi [Sacred sites and forming of the local specificity of the Old-Believer tradition among Komi]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 12. pp. 5–8.
30. Gromyko, M.M. (2001) Otnosheniye k khramu i svyashchenniku [Attitude to the Church and Priest]. In: Listova, T.A. (ed.) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox life of the Russian peasants in the 19th–20th centuries: Results of ethnographic studies]. Moscow: Nauka.
31. Tret'yakova, S.V. (2006) Geokul'turnaya sreda Belozerskogo kraia i ee rol' v formirovaniye etnokontseptsional'nogo soznaniya mestnogo naseleniya [Geocultural environment of the Belozersk area and its place in the formation of the mentality of local population]. In: Vlasova, I.V. *Mirovozzreniye i narodnaya kul'tura severnorusskogo naseleniya* [World view and folk culture of the population of the Russian North]. Moscow: Nauka.
32. Tul'tseva, L.A. (2001) Prestol'nyy prazdnik v kartine mira (mirokolitse) pravoslavnogo krest'yanina [Patronal festival in worldview of the Orthodox peasant]. In: Listova, T.A. (ed.) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Orthodox life of the Russian peasants in the 19th–20th centuries: Results of ethnographic studies]. Moscow: Nauka.
33. Ushakov, Iu.S. (1982) *Ansambli v narodnom zodchestve russkogo Severa (prostranstvennaya organizatsiya, kompozitsionnye priemy, vospriyatiye)* [Ensemble in folk architecture of the Russian North (spatial organization, composition techniques, perception)]. Leningrad: Stroizdat.
34. Kamkin, A.V. (1992) *Prihodskoe prostranstvo* [The Parish space]. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/fulltext/prihodskoe/prostranstvo/2.htm#5>.
35. Il'ina, I.V., Ulyashev, O.I. (2012) Prestol'nyye prazdniki verkhnevychegodskikh komi [Patronal festivals of the Upper Vychegda Komi]. In: Ulyashev, O.I. (ed.) *Evropeiskii sever: lokal'nye gruppy i etnicheskies granitsy* [The European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.
36. Kuleshov, E.V. (1999) [Sacred place and state myth]. In: *Mifologiya i povsednevnost'* [Mythology and day-to-day life]. Proceedings of the conference. Is. 2. St. Petersburg: RAS. pp. 435–444. (In Russian).
37. Zharebtsov, I.L., Rogachev, M.B. (2004) Religioznaya situatsiya v Komi krae [Religious situation in the Komi land]. In: Turubanov, A.N. (ed.) *Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX v.* [History of the Komi from the origins to the 20th century]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
38. Ipatova, L.P. (2008) Sovremennyye osobennosti osvoeniya pravoslavnoi traditsii [Contemporary peculiarities of conversion to Orthodoxy]. In: Gofman, A.B. (ed.) *Traditsii i innovatsii v sovremennoi Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamiki* [Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics]. Moscow: ROSSPEN.
39. Gailit, O.A. (2012) Religiya v "molodom" obshchestve: zametki o stanovlenii sovetskoi povsednevnosti [Religion in the "young" Soviet society: notes on formation of the Soviet everyday life]. *Antropologicheskii forum*. 16. pp. 288–308.
40. Rogachev, M.B. (1986) *Vremya protiv religii* [Time against religion]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
41. Suvorov, E. (n.d.) *Ust'-Kulomskie istorii* [Ust'-Kulom stories]. [Online] Available from: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/83.htm>.
42. Scientific Archive of the Komi Science Center (NA KNTs). Fund 5. List 2. File 613. Page 21. (In Russian).
43. Iugova, M. (2007) Istoriya sludskoi Voskresenskoj tserkvi [History of the Resurrection church in Sludka]. In: Pershina, M.A. (ed.) *Svyatyne zemli Komi: tserkvi, chasovni, monastyr'i, ikony: Daidzhest* [Sacred objects of the Komi land: churches, chapels, monasteries, icons]. Syktyvkar: KSC UrB RAS.

44. Dobrovol'skaya, E.V. (1999) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvey [Non-fairy-tale prose about demolition of the churches]. *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya*. XXX. pp. 500–512.
45. Moroz, A.B. (2014) *Razrushenie tserkvei v sovetskii period: dva vzglyada* [Church demolition during the Soviet period: two views]. [Online] Available from: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3425>.
46. Scientific Archive of the Komi Science Center (NA KNTs). Fund 5. List 2. File 613. Pages 2, 6, 23. (In Russian).
47. Golubkova, O.V. (2006) Etnokul'turnoe vzaimodeistvie severnykh komi-zyryan i russkikh v sfere sakral'nogo simvolizma [Ethno-cultural interaction of the northern Komi-Zyryans and the Russians in the realm of sacral symbolism]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3 (27). pp. 101–111.
48. Lobanova, L.S. & Rassykhaev, A.N. (2017) Sovremennaya traditsiya pochitaniya pravoslavnykh ikon v s. Nivshera Kortkerosskogo r-na Respubliki Komi [Contemporary veneration of icons tradition in village Nivshera of Kortkeross district of the Komi Republic]. *Traditsionnaya kul'tura*. 1(65). pp. 38–51.
49. Zherebtsov, I.L. (2001) *Naseleennye punkty Respubliki Komi: Istoriko-demograficheskii spravochnik* [Inhabited localities of the Komi Republic: Historical-demographic handbook]. Moscow: Nauka.
50. Lebedev, A. (1896) Sv. Stefan, pervyi episkop Permskii [St. Stephan the first Bishop of Perm]. *Pribavlenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam*. 6. pp. 85–106.
51. Mikhailov, M. (1850) Ust'-Vym' [Ust'-Vym]. *Vologodskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 10. pp. 93–96.
52. Kazakov, N. (1901) Krest na Udore i drevnyaya Krestovozdvizhenskaya pustyn' [Udora Cross and ancient Holy Cross hermitage]. *Pribavlenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam*. 6. pp. 143–147.
53. Prilozhenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam. (1904) Otchet o deyatel'nosti Velikoustyuzhskogo Pravoslavnogo Stefano-Prokopievskogo Bratstva za 1902-1903 gg. [Report on the activities of the Velikiy Ustyug Orthodox community of St. Stephan and St. Prokopi in 1902–1903]. *Prilozhenie k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam*. № 7–8. pp. 37–38.
54. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund r-1715. List 1. File 20. (In Russian).
55. Taskaeva, A.A. & Lobanova, L.S. (2015) "Unator na tiyanly kolö vis'tavny... Mnogoe khochetsya povedat' vam": Istoriko-kul'turnoe nasledie sela Ertom ["Much I want to tell": Historical and cultural heritage of village Ertom]. Syktyvkar: Etnokul'turnyi tsentr "Gimnazii iskusstv pri Glave RK im. Yu.A. Spiridonova".
56. Zherebtsov, L.N. (1971) *Krest'yanskoe zhilishche v Komi ASSR* [The peasants dwelling in the Komi ASSR]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
57. Bulgakov, S. V. (1913) *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovno-sluzhitelei* [Desk book for the clergy]. 3rd ed. Kiev: tip. Kievsko-Pecherskoi Uspenskoï lavry.
58. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 230. List 1. File 133. Page 232. (In Russian).
59. Scientific Archive of the Komi Science Center (NA KNTs). Fund 5. List 2. File 569. Page 48. (In Russian).
60. Suvorov, E. (n.d.) *Nechisti suprotiv* [Against evil]. [Online] Available from: <http://www.rusvera.mrezha.ru/10/51.htm>.
61. Adon'eva, S.B. (2001) *Kategoriya nenastoyashchego vremeni: (antropologicheskie ocherki)* [Category of non-actual time: Ethnographic essays]. St. Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie".
62. Konradova, N. & Ryleeva, A. (2005) Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoy Otechestvennoy [Heroes and victims. Memorials of the Great Patriotic War]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3(40–41). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html>.
63. Gudkov, L. (2005) "Pamyat'" o voine i massovaya identichnost' rossiyan ["Memory" about the war and mass identity of the Russians]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3(40–41). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html>.
64. Vlasova, V.V. (2010) [Forms of representation of memory about the Great Patriotic War in local groups (on the example of rural Komi)]. *Evropeiskii Sever v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.): k 65-letiyu Pobedy* [European North during the Great Patriotic War (1941–1945): to the 65th anniversary of the Victory]. Proceedings of the conference. Syktyvkar: IyaLI. pp. 50–57. (In Russian).
65. Bernshtam, T.A. (2007) *Prihodskaya zhizn' russkoy derevny: Ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish community life of the Russian village: Essays on the Church ethnography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
66. Department for the Protection of Cultural Heritage of the Komi Republic. (2017) *Ob'ekty kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya, raspolozhennye na territorii Respubliki Komi (obshchii spisok)* [The regional cultural heritage objects on the territory of the Komi Republic]. [Online] Available from: http://okn1.l.rkomi.ru/pages/obekty_kulturnogo_naslediya_regionalnogo_znacheniya.

Received: 31 January 2018